

Ольга Егошина

«Разодралась какая-то завеса»

Издательство «Навона» готовит к выпуску книгу «“Николай Ставрогин” на сцене МХТ», подготовленную научно-исследовательским сектором Школы-студии МХАТ.

Сообщения о том, что МХТ собирается работать над «Бесами» Достоевского, начали появляться в прессе с весны 1908 г. Газета «Свободные мысли» в номере от 12 мая 1908 г. дала информацию о вечере в издательстве «Шиповник»: «Обращало на себя внимание признание Станиславского: *“Я не знаю еще как, но мы очень скоро поставим Достоевского. Без Достоевского нельзя. Мы, конечно, откажемся от переделок. Всего вероятнее будет труппа, который будет выступать наряду с диалогами действующих лиц, но Достоевского мы поставим обязательно”*¹. В газете «Русь» сообщение уточнялось указанием на роман «Бесы».

Новость, что МХТ собирается ставить «Бесов», многих взволновала и возмутила. Pamфлетист, драматург и общественный деятель А.В. Амфитеатров в письме к Вл.И. Немировичу-Данченко от 18 июня 1908 г. высказался: «Читал предполагаемый репертуар Художественного театра. Откровенно скажу Вам, что смущен “Бесами”. При всей гениальности отдельных диалогов Достоевского, роман этот, в конце концов, политический памфлет и – как теперь доказали документальные данные о Нечаеве и других революционерах семидесятного допотопия – очень пристрастный, придирчивый и легковесный. Еще если бы не так свежи были могилы революции, – куда ни шло, можно было бы поступиться антипатией к памфлетической стороне романа во имя художественно-психологических откровений Федора Михайловича. Но сейчас – уж, право, и не знаю, каким лавировщиком и дипломатом надо быть, чтобы инсценирование “Бесов” не оказалось услугою реакции. Я читал где-то Ваше интервью, что Вам необходим Достоевский. Так почему же именно “Бесы”, а не “Преступление и наказание”, не “Идиот”, не “Карамазовы”, не “Кроткая”? “Бесы” без политической окраски – не “Бесы”, а политическая окраска у них скверная, злобная, с умышленною фальшью»².

Еще до получения письма Амфитеатрова сам Владимир Иванович высказывал схожие мысли в письме-простыне к К.С. Станиславскому от 5–6 июня 1908 г. По поводу репертуарных планов ближайших сезонов Немирович-Данченко пишет: «Штудирую Достоевского. Все большие романы уже кончил. “Бесы” – очень слабая вещь. “Подросток” – тоже. “Идиота” нельзя иллюстрировать, т.к. все замечательные места пойдут в чтение и станут скучны. Зато “Карамазовы” чудесны для иллюстрации. Может выйти превосходное произведение театра на два вечера, картин 30. Но за малым остановка: у нас нет Дмитрия, ни намек на него. Еще Алешу можно найти, но Дмитрия – никакого. А вещь может выйти и колоритная и русская. И Зосиму разрешат»³.

Спектакль «Братья Карамазовы» появился на сцене МХТ в сезоне 1910/1911 гг. Игрался в два вечера. Театр был готов играть и в три, но главы о старце Зосиме цензура на сцену не пропустила. Среди ярчайших актерских побед спектакля особенно выделялся Л.М. Леонидов в роли Дмитрия Карамазова.

К «Бесам» Вл.И. Немирович-Данченко обратился три года спустя. Летом 1913 г. он делился в письме к Александру Бенуа своими мыслями о разных возможностях в инсценировке романа Достоевского: «Больше всего думаю о “Бесах”. Боюсь еще утверждать, но я вдруг почувствовал в самое недавнее время, выражаясь высоким штилем, какое-то озарение насчет именно революционной части романа. Почувствовал, что во мне разодралась какая-то завеса и освободила меня от разных соображений, вследствие чего трагическое в этой части романа получило ту духовную ширь и глубину, при которых нет места специфическим тенденциозным соображениям общественного характера»⁴.

Дистанцию от оценки «Бесов» как «очень слабой вещи» до признания их трагической мощи, духовной силы и глубины за пять лет прошел не только Немирович-Данченко, похоже, у значительной части тогдашних «властителей дум» тоже «разодралась какая-то завеса». Можно предположить, что одним из триггеров возникшего интереса к писателю в философском и более широком культурном сообществе стала постановка Немировича-Данченко «Братья Карамазовы».

Анализируя природу дарования Немировича-Данченко, исследователи особо выделяют уникальную способность «чувствовать время в его главнейших потребностях». Именно это чувство времени диктовало знаменитую приписку на визитной карточке, в которой он предложил Станиславскому встретиться в «Славянском базаре», где в восемнадцатичасовом разговоре будут определены контуры нового небывалого театра. То же чувство времени заставляло его уговаривать А.П. Чехова отдать провалившуюся в Александринке «Чайку» новому Художественно-общедоступному театру. В самый пик успехов «новой драмы» – постановок по Чехову, Горькому, Ибсену, Метерлинку, Андрееву, – МХТ, по настоянию Немировича, обращается к пьесам «Месяцу в деревне» Тургенева и «На всякого мудреца довольно простоты» Островского. И оказалось, что возникающая на сцене МХТ «старая жизнь» остро необходима современному зрителю и самому Художественному театру.

Как заметила И.Н. Соловьева, Немировичу-Данченко «был свойствен дар – улавливать, как то, что сию минуту было рядом, было твоим,



Мстислав Добужинский. На мосту.
Эскиз декорации к пьесе «Николай Ставрогин». МХТ, 1913

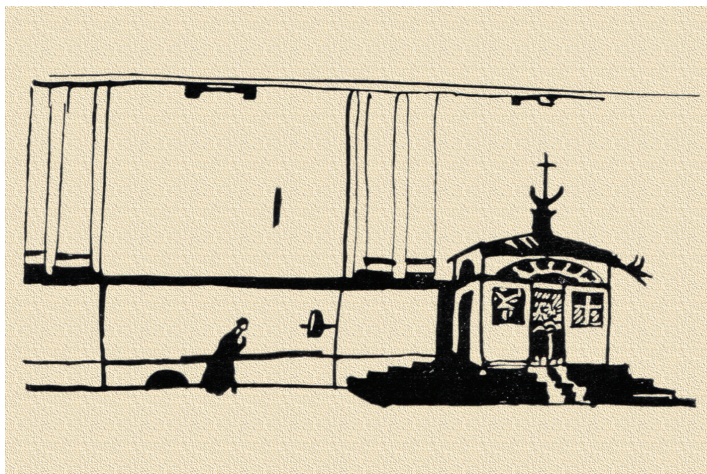
отделяется некой гранью. Словно стекло опускается: за ним все и близко, и отчетливо видно, но уже не войдешь в ту жизнь»⁵. В постановках Достоевского эта стеклянная отделяющая перегородка была ощутима.

Можно сказать, что в спектаклях Художественного театра Россия Достоевского предстала такой, какой ее значительно позже запечатлеет слово поэта. В «Северных элегиях» Ахматовой возникнет:

*«Россия Достоевского. Луна
Почти на четверть скрыта колокольней.
Торгуют кабаки, летят пролетки,
Пятиэтажные растут громады
В Гороховой, у Знаменья, под Смольным».*

И далее:

*«Страну знобит, а омский каторжанин
Все понял и на всем поставил крест.
Вот он сейчас перемешает все,
И сам над первозданным беспорядком
Как некий дух взнесется. Полночь бьет.
Перо скрипит, и многие страницы
Семеновским припахивают плацем...»*



Мстислав Добужинский. На паперти.
Эскиз к спектаклю «Николай Ставрогин». МХТ, 1913

Запах Семеновского плаца, ощутимый в воздухе предвоенных лет, видимо, стал решающим в желании Немировича-Данченко обратиться к «революционной части романа». Благо, он сам, Владимир Иванович, неплохо знал молодых «подпольщиков», которые на конспиративных квартирах рассказывают о страданиях и чаяниях студентов (в молодости ухаживал за такой революционной барышней). Был знаком и с «генералитетом» революционного подполья. Николая Баумана (партийная кличка Грач) в Художественном театре хорошо знали, привечали, прятали от полиции. Новогодний праздник 1904 г., нелегально прибыв в Москву, Бауман встречал в стенах Художественного театра.

Но главным было внутреннее убеждение в своевременности обращения к «Бесам». Будущее бросает тень задолго до своего появления, но редко кто эту тень чувствует. Немирович чувствовал. Понимал современность идей «кровавых жертвоприношений» и мирового переустройства. Ощущал сам запах крови убитых, который очень скоро и на десятилетия станет постоянной константой русской жизни.

Александр Бенуа энтузиазма Владимира Ивановича относительно революционной части «Бесов» не разделял: «Петра Степановича в виде центра (с Кирилловским самоубийством и Шатовским убийством) придется отложить до других времен, ибо, к сожалению, сейчас все это слишком актуально. С легкими поправками то, что высказывает Достоевский

о 1870-х годах, годилось бы для иллюстрации 1905–1910 годов. Но хоть и годится Николай Ставрогин на сцену, однако, как Вы его приладите – это для меня загадка, разрешение которой Вы, разумеется, найдете. Все же и Степана Трофимовича не надо слишком отставлять в тень. Это уже моя *просьба*. И должен [его] играть, по-моему, Константин Сергеевич⁶.

В том, что Немирович-Данченко сумеет «приладить» роман Достоевского к сцене, Бенуа был абсолютно прав. Успех «Братьев Карамазовых» был тому залогом. Спектакль стал рубежным не только для Московского Художественного театра («упала стена и открылись горизонты»), но для всего режиссерского театра XX в. Новые принципы, разработанные Немировичем в «Братьях Карамазовых» (впервые на сцене возник двухвечерный спектакль, состоявший из глав различной длительности – от 7–10 минут до 1 часа 20 минут; впервые была выведена фигура Чтеца и т. д.), вошли в практику режиссеров от Всеволода Мейерхольда до Юрия Любимова, от Питера Брука до Робера Лепаж.

Высказывание Бенуа о чрезмерной актуальности политической линии романа также было абсолютно верным. Апокалиптический роман Достоевского окажется «чрезмерно актуальным» на протяжении всего XX века: и перед Первой мировой войной, и перед революцией, и во время Гражданской, и в годы великого перелома. Потом на десятилетия Достоевский и его герои волей генералиссимуса были внесены в черный список. Но и в пору «оттепели», когда на сцену и на экран вернулись практически все названия «великого пятикнижия» – «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы», «Подросток», «Бесы» – продолжали отпугивать режиссеров чрезмерной актуальностью. В 1987 г. их начинает репетировать Лев Додин в Малом Драматическом театре. Одна из участниц репетиций – актриса Наталья Акимова – вспоминала: «Когда мы изучали роман Достоевского “Бесы”, мне казалось: ура, мы спасены! Люди! Всем нужно с утра до вечера читать “Бесов” Достоевского. Просто читать вслух всей страной, и мы поймем, как нельзя жить, чего нельзя делать. Я была уверена, что это путь к спасению»⁷.

Роман репетировался долгие четыре года, переломные для страны. Питерская премьера «Бесов» была сыграна 21 декабря 1991 г. Четыре дня спустя первый и последний президент СССР Михаил Горбачев обратился к народу с прощальной речью: «Я покидаю свой пост с тревогой. Но и с надеждой, с верою в вас, в вашу мудрость и силу духа». Еще до того, как он закончил свою речь, с флагштока Кремля был спущен красный флаг СССР и поднят российский триколор.



Мстислав Добужинский.
Скворешники.
Эскиз декорации
к спектаклю
«Николай Ставрогин».
МХТ, 1913

Трудно сказать, обращаясь к «Бесам», считал ли Немирович-Данченко, как позднее Наталья Акимова, что «если читать роман вслух, <...> мы поймем, как нельзя жить», но свой замысел отстаивал упрямо. В июле в Римини к Немировичу-Данченко приехал Л.М. Леонидов, который передал крайне негативное отношение Максима Горького к решению МХТ ставить «Бесов» (главный сокол русской литературы уже готовился ринуться на ненавистного Достоевского, набрасывая проект письма в газеты). Сам Леонидов, несравненный Дмитрий Карамазов, в число участников «Бесов» не войдет (возможно, холодность Леонидова объяснялась тем, что он после пребывания на Капри солидаризировался с суждениями Горького о Достоевском).

Немирович грозящего конфликта не испугался. В конце июля он уверяет Станиславского: «Я не бросил мысль о “Бесах”». И далее: «Сегодня я видел сон. Встречаю Марью Петровну. Она была в сером клетчатом платье, в талию, в шляпе. И говорю ей: “Ну, что Вы скажете о Марье Тимофеевне, о хромоножке?” Она смеется и говорит: “Так я не прочла еще!” “Вот видите, – говорю я. – Что же мне с Вами делать! Ведь на днях уже репетиции!” Расскажите ей этот сон»⁸.

Далее в письмах к своим коллегам-руководителям МХТ Станиславскому и Бенуа Немирович-Данченко аккуратно выдвигает на первый план соображения исключительно прагматического порядка. Подчеркивает, что он, Немирович, готов и собирается начинать сезон обдуманной и обещающей успех пьесой «Коварство и любовь» Шиллера, но обсто-

яательства складываются неблагоприятно. Просит отдыха заболевший Москвин, и ходят упорные слухи о беременности Германовой (Москвину, действительно, потребуется отдых для поправления здоровья, слух о беременности Германовой подтвердится). Без Москвина–Миллера и Германовой–леди Мильфорд, по уверениям Немировича-Данченко, шиллеровская постановка решительно проседает, равноценных замен нет. И поэтому – как запасной вариант, – он активно работает над «Бесами», сочиняя два варианта постановки – «Николай Ставрогин» и «Шатов и Кириллов». Планируемое как «третья постановка сезона» обращение к «Бесам» постепенно и неотвратно становится премьерой, 15-й сезон открывающей. Немирович-Данченко довольно быстро соглашается с Бенуа относительно «революционной части» романа и отказывается от наиболее привлекательного варианта, объясняя отказ опять же чисто прагматически: в Шатове он видит только Москвина.

К письму Бенуа, написанному в начале августа 1913 г., Немирович-Данченко прилагает план спектакля из двух отделений и пятнадцати картин. А также прикладывает примерное распределение ролей, отмечая, что «все роли, за исключением Лизы, расходятся очень хорошо»⁹. В тот же день пишет Станиславскому: «Пьеса “Николай Ставрогин” у меня ясна во всех подробностях»¹⁰. И, учитывая реакцию Горького (характерную для целой группы лидеров общественного мнения), предупреждает Константина Сергеевича: «И главное: мне хочется, чтобы совсем никто не знал о пьесе “Николай Ставрогин”. Чтоб такая (по-моему, удачная) инсценировка явилась для публики совершенным сюрпризом»¹¹.

Принимая превентивные меры, Немирович-Данченко отдает себе ясный отчет об общественной буре, которую вызовет постановка «Бесов» в Художественном театре, и о том, что ответственность за это репертуарное решение лежит целиком на нем. Меньше чем за неделю до сбора труппы МХТ он пишет жене: «Главное – мне решиться на “Бесов”. Это будет такой же подъем, как было с “Карамазовыми”»¹².

16 августа прошел сбор труппы, на котором Немирович-Данченко объявил, что сезон откроется постановкой «Николай Ставрогин». «В сборе почти все, кроме Станиславского, Лилиной, Книппер, Гзовской, Кореновой (въехала иголка в ногу, делали операцию). Несмотря на угрожающее отсутствие Москвина, общее настроение хорошее. Вероятно, потому, что у меня вид бодрый, спокойный, улыбающийся. Вероятно, мой вид внушает веру в то, что все будет благополучно», – рапортует



Мстислав Добужинский.
Эскиз костюма Марьи Тимофеевны к спектаклю
«Николай Ставрогин». МХТ, 1913

Немирович-Данченко в письме к жене. И далее: «Никаких громких фраз и “военных положений” я не объявлял. К вечернему заседанию приехал Добужинский, тоже бодрый и готовый работать»¹⁵.

О Добужинском в связи с «Бесами» Немирович пишет все лето и в письмах Станиславскому, и в письмах Бенуа. «Братья Карамазовы» шли в сукнах. В постановке мечталось о воспроизведении на сцене МХТ уездного города N, одновременно очень конкретного в своей достоверности, но и символически-обобщенного. Выбор художника для постановки был снайперским. В статье «Русских ведомостей» «Художественные вести. Декоративная сторона постановки “Бесов”», написанной сразу по следам генеральной репетиции «Николая Ставрогина», живописец и теоретик искусства Игорь Грабарь не только называл оформление «Бесов» шагом вперед самого Мстислава Добужинского, но и новым шагом «художества в театре»¹⁴. Описывая в подробностях оформление картин в бальной зале, в гостиной Варвары Петровны, где «продумана каждая мелочь, выдвинуто все важное, стушевано второстепенное, чтобы дать квинтэссенцию духа эпохи»¹⁵, он особенно выделяет сцену на мосту. И заканчивает статью вздохом, что из-за длинот спектакля сцена на мосту была после генеральной из «Николая Ставрогина» выброшена. В короткой и мыслемемкой статье Грабарь определяет главную особенность двух постановок Достоевского в Художественном театре. В описании сцены у окна в Скворешниках он замечает: «эту картину следует отнести к числу самых вдохновенных коллективных достижений



Мстислав
Добужинский.
Скворешники.
Эскиз декорации к
спектаклю «Николай
Ставрогин».
МХТ, 1913

Художественного театра. Коллективных, – потому что мне совершенно неизвестно, кому из всех участников вечера какая доля принадлежит в создании всей сцены»¹⁶.

«Коллективную работу» в репетициях описывал Немирович-Данченко в своих письмах жене: «В театре тихо, – энергично, но бесшумно работаем без инцидентов, но так сложно, что даже не могу приблизительно сообразить, когда откроется сезон» (сезон 1913/1914 гг. открылся 23 октября)¹⁷.

Эта тишина была взорвана открытым письмом Горького «О карамазовщине», появившимся в «Русском слове» 23 сентября. В нем Горький не только подверг резкой критике само обращение театра к «вредному» писателю, но попытался расколоть театр как коллективного художника, возложив персональную ответственность за постановку «Карамазовых» и «Бесов» на Вл.И. Немировича-Данченко.

В письме к Станиславскому от 25 сентября Владимир Иванович оговаривал свое отсутствие на собрании труппы: «Я прошу Вас объяснить, что не прихожу для того, чтобы избежать упрека в “влиянии”. Горький, протестуя против инсценировки Достоевского, посылает упрек прежде всего мне, как руководителю репертуара театра. Из его письма может даже возникнуть предположение, что вся вина падает на меня, а что труппа театра, может быть, и не сочувствует постановкам Достоевского. Понятно, что мне чрезвычайно важно свободно высказанное мнение труппы. Чем оно свободнее, тем для меня убедительнее»¹⁸.

Труппа МХТ высказалась вполне однозначно «Открытым письмом Горькому», напечатанному в журнале «Русское слово» от 26 сентября. Не поддержали выступления против Достоевского и широкие общественные круги.

Владимир Иванович констатировал в письме к жене: «Такого фиаско я и не ожидал. Все газеты единодушно порицают выступление Горького. С поразительным единодушием. Я собираю эти газеты. И это каждый день. Я это предчувствовал, и мне было даже жалко Горького. Был момент, когда я хотел остановить момент возражения театра. Но соображал так: Горький размахнулся и хотел одним ударом повалить и меня и театр, в особенности меня. Уж очень он самомнительно рассчитывает на свою силу. Пришлось так крепко стоять, чтобы от своего размаха он сам покачнулся»¹⁹.

Немирович-Данченко несколько преувеличивает единодушие в порицании позиции Горького (на его стороне высказались партийные единомышленники и люди более широких взглядов: Николай Телешов, Мариэтта Шагинян, Сергей Кара-Мурза, Василий Львов-Рогачевский и др.). И явно смещает цель Горького. Статья «О карамазовщине» целью имела не столько Немировича-Данченко и Художественный театр, сколько – Федора Михайловича Достоевского. Наверное, только психолог-исследователь сможет определить причину ненависти большого писателя к своему великому предшественнику, которому он был так многим обязан. И интересом к людям «подполья», «дна». И обостренным чувством жестокости окружающей жизни. Женщины, вываленные в перьях, обмазанные патокой и выставленные на съедение насекомым в наказание за измену, малолетние проститутки с куклой в руках, подростки-калеки, изуродованные на фабриках и заводах, бессмысленная жестокость пьяных драк и кошмар деревенских расправ с ворами и конокрадами... Жестокости, которая особенно нестерпима, когда страдают дети. «Слеза ребенка» у Горького часто выступает главным обвинителем «свинцовых мерзостей русской жизни». Только специалист по литературе определит, что пронзительный детский голосок – «Ой, мамонька, ой, родненькая, не бей меня по животику!», – взят не из Федора Михайловича, а из Алексея Максимовича.

Открытое письмо «О карамазовщине» и его следующее публичное выступление «Еще о “карамазовщине”. (Открытое письмо)», в сущности, были первыми попытками бурно расцветшей век спустя «культуры отмены». К чести русского общества попытка «отменить» Достоевского по



М.П. Лилина – Марья Тимофеевна, В.И. Качалов – Николай Ставрогин.
«Николай Ставрогин». МХТ, 1913

причинам его, с точки зрения Максима Горького, «неверных» и вредных взглядов и садистических наклонностей своей цели не достигла. Более того – письмо Горького было воспринято как попытка ограничения свободы слова (что его особенно возмутило). Можно сказать, что именно выпады Горького в адрес автора «Братьев Карамазовых» и «Бесов» подтолкнули значительную часть русских мыслителей, писателей и общественных деятелей к определению, прояснению и высказыванию своих взглядов на творчество Ф.М. Достоевского. Полемика вокруг мхатовских постановок прояснила отношение культурного общества к писателю – место, которое он занимал в общественном сознании до революции.

Пришедшие после Октября к власти единомышленники Горького очень скоро вычеркнули Достоевского из школьных и вузовских программ, ограничат экранизации и инсценировки его произведений, опираясь на мнение основоположника соцреализма, первого писателя Страны Советов. Дальние отголоски письма Горького никто предвидеть не мог.

Художественный театр продолжал репетировать «Николая Ставрогина» (в своем открытом письме театр отдельно подчеркнул, что публичный протест Горького «особенно чувствительно» переносить в разгар работы над постановкой).

После премьеры Немирович-Данченко писал Леониду Андрееву: «Работал я за эти два месяца, как давно не помню. Доходило до того, что



Мстислав Добужинский.
Эпилог.
Эскиз декорации
к спектаклю «Николай
Ставрогин». МХТ, 1913

репетировал с 12 утра до 12 ночи с часовым перерывом, чтобы 10 минут полежать, 20 мин. походить по двору и полчаса обедать. А за обедом спрашивали меня, как быть с таким-то стулом или такой-то падугой. Но работа шла дружно. Вот бы всегда так дружно. <...> Достоевский вдохновляет нас *теперешних* едва ли не сильнее, чем Чехов нас *тогдашних*. И далее: «Спектакль прошел, и нам казалось, что “успеха никакого”, а настроение у всех актеров было такое радостное, словно их венчали фурором и лаврами. И таковым оставалось всю ночь, хотя выпивки и не было для поддержки. И каждый спектакль актеры идут на сцену с необыкновенной верой в то, что они делают что-то значительное. И критика в этот раз не очень пошла за публикой. У кого поменьше вкуса или совсем нет жажды Бога, тот и бранит. А у кого есть настоящий художественный вкус или кого волнует вечная борьба совести с грехом – тот очень хвалит»²⁰.

«Николай Ставрогин» пройдет в сезоне 1913/1914 гг. сорок пять раз. Но уже в следующем сезоне Художественный театр снимет спектакль с репертуара, решив, что стране, вступившей в Первую мировую войну, нужны более оптимистические художественные впечатления.

- ¹ «Свободные мысли». Общественно-политическая и литературная газета, Санкт-Петербург, 1908 от 12 мая.
- ² Цит. по: Письма в Художественный театр. Т. 1, М.: Navona, 2022. С. 316–317.
- ³ Цит. по: *Вл.И. Немирович-Данченко*. Творческое наследие. В 4 т. М.: МХТ, 2003. Т. 2. С. 19.
- ⁴ Там же. С. 339.
- ⁵ Московский Художественный театр. 100 лет. М.: МХТ, 1998. С. 60.
- ⁶ Цит. по: Письма в Художественный театр. Т. 1, М.: Navona, 2022. С. 473–474.
- ⁷ *Акимова Наталья*. Неравнодушному человеку всегда что-то не нравится // *Этаж*, 2012 от 13 сентября.
- ⁸ Цит. по: *Вл.И. Немирович-Данченко*. Творческое наследие. В 4 т. М.: МХТ, 2003. Т. 2. С. 342.
- ⁹ Там же. С. 347.
- ¹⁰ Там же. С. 348.
- ¹¹ Там же. С. 349.
- ¹² Там же. С. 351.
- ¹³ Там же. С. 352.
- ¹⁴ Цит. по: Московский Художественный театр в русской театральной критике. 1906–1918. М.: АРТ, 2007. Т. 2. С. 530.
- ¹⁵ Там же. С. 530.
- ¹⁶ Там же. С. 531.
- ¹⁷ Цит. по: *Вл.И. Немирович-Данченко*. Творческое наследие. Т. 2, М.: МХТ, 2003. С. 358.
- ¹⁸ Там же. С. 364.
- ¹⁹ Там же. С. 366.
- ²⁰ Там же. С. 368–369.